

Идеи многополярности в концептуальном арсенале советской дипломатии на завершающих этапах Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.)

И.Э. Магадеев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Цель статьи – выявить роль и место представлений о послевоенной многополярности в концептуальном арсенале советской дипломатии на завершающих этапах Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено идеям двух крупных советских дипломатов М.М. Литвинова и И.М. Майского. Источниковую базу исследования составили опубликованные и архивные записки сотрудников НКВД, материалы заседаний комиссии НКВД по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства. Хотя внешнеполитические представления Литвинова и Майского в 1943–1945 гг. уже служили объектом изучения в отечественной и зарубежной историографии, исследователей, как правило, интересовало конкретное содержание взглядов двух дипломатов по тем или иным международным проблемам. В данной статье автор меняет постановку исследовательского вопроса и стремится выявить базовые концептуальные основания, на которых строились суждения Литвинова и Майского. Анализ взглядов советских дипломатов и экспертов (С.А. Лозовский, Б.Е. Штейн, Я.З. Суриц, Е.В. Тарле), чьи точки зрения в меньшей степени изучены в историографии, добавляет статье новизны. Особое внимание автор обращает на характер концептуализации Литвиновым и Майским послевоенной международной конфигурации как специфического многополярного мира, хотя сам термин не использовался советскими дипломатами. В статье изучены вопросы о том, какой советские дипломаты видели послевоенную архитектуру безопасности, считали ли биполярность неизбежной, под влиянием каких факторов находились их внешнеполитические представления. Активизация дискуссий о развитии многополярности в современных международных отношениях придаёт указанной проблематике актуальность. По результатам проведённого исследования автор пришёл к выводу о том, что концептуальная рамка представлений советских дипломатов в 1943–1945 гг. о послевоенном устройстве была далека от моделей биполярности и Холодной войны. Высокопоставленные сотрудники НКВД не исключали варианта нарастания противоречий между СССР и западными странами во главе с США и Великобританией, однако предпочитали этому варианту сотрудничество ведущих держав антигитлеровской коалиции на базе негласно-

УДК: 94(47)"1943/1945":327

Поступила в редакцию: 10.10.2023

Принята к публикации: 11.20.2023

го раздела «сфер интересов». Вариант направленного против СССР сплочённого англо-американского фронта учитывался, однако перед советской дипломатией стояли задача предотвратить его образование, а также играть на противоречиях между Вашингтоном и Лондоном.

Ключевые слова: СССР, советская дипломатия, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, послевоенный мир, Литвинов, Майский, многополярность

Активизация дискуссий о судьбах многополярности и многополярного мира в XXI в. заставляет обратить более пристальное внимание на то, каким образом указанные феномены трактовались ранее, в т. ч. советской дипломатией и экспертным сообществом.

На протяжении Холодной войны понятие «многополярность» рассматривалось советскими аналитиками преимущественно как чужеродный англоязычный конструкт; характерно, что при написании его нередко брали в кавычки (Примаков и др. 1983: 214; Кунина 1988: 158). Даже в 1970–1980-е гг. на фоне очевидного углубления знакомства и проработки западных концепций из сферы теории международных отношений многополярность, главным образом, рассматривалась в контексте «современных внешнеполитических концепций США» (Аничкина и др. 1979: 128), а также «буржуазных прогнозов развития международных отношений» (Кокошин 1978: 53). На страницах научных трудов можно было встретить утверждение, что, «как бы ни обосновывалась “многополярность”, объективное содержание международных отношений – противоборство и соревнование двух социальных систем – подменялось схемой, соответствующей империалистическому видению мира» (Кунина 1988: 158).

В 1970-е – начале 1980-х гг. советские эксперты преимущественно рассматривали концепцию многополярности как способ «отвлечь внимание от тех коренных сдвигов, в которых проявляются объективные закономерности общественного развития, ведущего к социализму» (Петровский 1976: 197). Вместе с тем по вопросу о том, чьим интересам, СССР или США, отвечает потенциальное складывание многополярного мира, наблюдалась, пусть и не всегда акцентируемая, вариативность мнений. Последняя нередко выражалась в цитировании различных точек зрения западных (прежде всего – американских) экспертов.

С одной стороны, встречалась мысль о том, что Соединённым Штатам, как «рассуждают американские теоретики, выгодна расчленённость, “многополярность” Евразии, расчленённость её на несколько средоточий “силового тяготения”, наличие там по меньшей мере двух полюсов государственного могущества» (Яковлев и др. 1976: 160). С другой стороны, внимание советских экспертов привлекали размышления западных аналитиков о том, что многополяр-

ность, понятая как бóльшая внешнеполитическая автономия стран Западной Европы от США, поспособствует усилению советского влияния в Старом Свете (Хромушин 1974: 36).

Пристальный интерес вызвало эссе Г. Киссинджера «Центральные проблемы американской внешней политики» (Kissinger 1969: 51–97), проникнутое опасениями по поводу усилившихся тенденций к многополярности в международных отношениях. Цитировались размышления Киссинджера о том, что «политическая многополярность делает невозможным навязывание американских замыслов» (Трофименко 1976: 63; Хлебников 1984: 34). Внимания удостоилась мысль американского государственного деятеля о том, что «политическая многополярность не обязательно гарантирует стабильность в международных отношениях. Уменьшается жёсткость, но снижается управляемость и стабильность системы» (Кокошин 1978: 53). Биполярность представляла в этом смысле как легче управляемая и более стабильная международная модель, в рамках которой Советский Союз претендовал на равную с США роль.

Лишь на излёте существования СССР советские эксперты стали увереннее высказывать мысль о том, что «в известной степени многополярность, рассмотренная как одна из перспектив глобального миропорядка, выступает проявлением усиливающегося многообразия общественных путей развития человечества» (Сергунин 1989: 9). Исследователи даже предполагали, что «многополярность выступает ныне как более сложная форма развития и функционирования социальной биполярности мира, а отнюдь не как способ её преодоления» (Яковлев 1990: 105). Констатация того, что «многополярность в экономике уже стала фактором международной ситуации», соседствовала с прогнозом, что «к концу века оформится многополярность и в политической сфере» (Холодовский 1991: 22).

Всё же в советских экспертных наработках периода Холодной войны проблематика многополярного мира в значительной степени оставалась в тени. Это обстоятельство коррелировало с официальными внешнеполитическими и идеологическими приоритетами советского государства. Как правило, Москва делала ставку на паритетные отношения с Вашингтоном и рассматривала биполярность в некотором смысле как характеристику привилегированного положения СССР (наряду с США) в рамках тогдашней системной модели международных отношений; при этом многополярность, понятая как усиление самостоятельности Западной Европы от США, воспринималась более позитивно. К концу существования Советского Союза идея о зарождении многополярного мира соседствовала в оценках экспертов с признанием, что «второй планетарный центр силы – СССР – утратил свою сверхдержавную ипостась» (Плешаков 1991: 22). Как итог, советские разработки идей многополярности во многом остались

забыты после 1991 г. В современной же России «концепция многополярности мировой политики чаще всего ассоциируется с фигурой Евгения Примакова», а её возникновение относят к 1996 г.¹

Вместе с тем, пусть и дистанцируясь от терминологии многополярности и многополярного мира, не только эксперты, но и советские дипломаты-практики нередко осмыслили международные реалии в указанных категориях. Особенно актуально это было для первого поколения сотрудников Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР. Они работали в межвоенный период, который характеризовался наличием целого ряда полюсов международного влияния (некоторые исследователи позднее писали даже о своеобразной «трёхполярности» 1930-х гг. при США, СССР и Германии как ключевых центрах силы) (Schweller 1998). Анализ представлений советских дипломатов о характере устройства международных отношений позволит яснее представить себе генезис концепций многополярности в отечественной дипломатической и экспертной традиции, обогатит понимание того, как эти представления эволюционировали и изменялись.

Фигуры двух видных дипломатов, М.М. Литвинова и И.М. Майского, которых подчас относят к условным «западникам» в высших эшелонах НКВД (Печатнов 2013: 90), выделяются в первом поколении сотрудников внешнеполитического ведомства СССР. Весьма условная характеристика Литвинова и Майского как «западников» была связана с их представлениями о возможности сотрудничества СССР с ведущими западными державами на различных этапах развития международных отношений в 1930–1940-е гг. Приоритетом для обоих дипломатов оставалось отстаивание советских интересов. Уместной в этом смысле представляется мысль канадского историка М.Дж. Карли (Карлея), резюмировавшая историографические дискуссии о внешнеполитических предпочтениях Г.В. Чичерина и Литвинова: «Историки и современники часто называли Чичерина прогерманским, а Литвинова пробританским дипломатом. Это не так: оба они были просоветскими. Их общей заботой была первоочередная защита интересов Советского государства» (Карлей 2019: 104).

Путь государственной службы Литвинова и Майского был сопряжён с накоплением богатого практического опыта. Как известно, Литвинов занимал пост наркома иностранных дел СССР (1930–1939), заместителя наркома (1941–1946) и посла в США (1941–1943) (подробнее см.: Соколов 2002). Майский в 1932–1943 гг. был бессменным представителем СССР (сначала полпредом, потом послом) в Великобритании, а затем занял пост заместителя наркома иностранных дел (1943–1946) (подробнее см.: Пожарская 2004).

¹ Кортунов А.В. 2018. Почему мир не становится многополярным. *Россия в глобальной политике*. 26 июня. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/> (дата обращения: 20.12.2023).

Работая в центральном аппарате НКВД и в зарубежных миссиях, Литвинов и Майский совмещали практическую деятельность с попытками нетривиальной концептуализации современных им международных трансформаций, оставаясь в рамках доминировавшей партийной и государственной линии. Их экспертиза была востребована высшим государственным руководством страны в условиях Великой Отечественной и Второй мировой войны. Среди прочего, это обстоятельство отразилось в назначении дипломатов в 1943 г. председателями двух важных комиссий при НКВД: по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства («комиссия Литвинова») (Филитов 1995); по возмещению ущерба, нанесённого СССР гитлеровской Германией и её союзниками («комиссия Майского») (Жигалов 2014).

Внимания заслуживают также взгляды видных членов комиссий Литвинова и Майского. Отметим среди них четырёх человек: заместителя наркома иностранных дел С.А. Лозовского (Баландина, Давыдов 2020: 78–91); историка и дипломата Б.Е. Штейна, занимавшего ранее посты полпреда в Финляндии (1933–1934) и Италии (1934–1939) (Барышников, Пленков 2015); советника НКВД Я.З. Сурица, занимавшего посты полпреда в Германии (1934–1937) и во Франции (1937–1940) (Сизоненко 1991); наконец, академика Е.В. Тарле, для которого работа в «комиссии Литвинова» стала «единственным документированным фактом участия ... в реальной внешнеполитической работе, а не только в её пропагандистско-публицистическом обрамлении» (Каганович 2014: 237).

Объект статьи – представления о послевоенном мире, сформулированные советскими дипломатами на завершающих этапах Великой Отечественной войны в 1943–1945 гг. – на первый взгляд, кажется разносторонне исследованным. Записки за авторством Литвинова и Майского привлекли пристальное внимание отечественных и зарубежных историков ещё в период масштабного рассекречивания архивных документов в России (т. н. «архивная революция» 1990-х гг.) (Пихоя 2014). Указанные источники продолжают поныне активно использоваться при изучении различных аспектов советской внешней политики периода Великой Отечественной войны. Анализу подверглось видение Литвиновым и Майским будущих отношений СССР со странами антигитлеровской коалиции и противниками по «оси» (Roberts 2002; Печатнов 2006; Roberts 2006; Арзаканян 2010; Агеев и др. 2014; Горозий 2018); суждения дипломатов по отдельным вопросам международного устройства Европы и мира по окончании Второй мировой войны (советский, германский, итальянский «вопросы» и другие) (Сальков 2009; Наринский 2010; Афиани 2016; Синдеев 2020); восприятие ими политических и стратегических уроков войны (Печатнов 2009; Магадеев 2020); их личные отношения и официальные контакты с политическим руководством и другими дипломатами СССР, а также с представителями стран антигитлеровской коалиции (Соколов 2001; Поздеева 2008; Печатнов 2010; Хахал-

кина, Жигалов 2019).

Данное исследование отличается постановкой исследовательского вопроса, а также новым прочтением и интерпретацией ряда архивных и опубликованных документов. Непосредственная цель статьи – выявить общую концептуальную рамку внешнеполитических представлений советских дипломатов о послевоенном мире. Автор стремится ответить на ряд вопросов, которые нередко не были ясно артикулированы в историографии: каким советские дипломаты видели послевоенный мир? Считали ли они биполярность неизбежной? Под влиянием каких факторов находились их внешнеполитические представления в 1943–1945 гг.? Какие специфические черты послевоенной многополярности они считали ключевыми? Новый виток в развитии дискуссий о многополярности в современных международных отношениях придаёт указанной проблематике актуальность.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и архивные записки сотрудников НКВД, направлявшиеся в адрес руководства ведомства и высшего государственного руководства страны, а также материалы заседаний «комиссии Литвинова». Указанные документы фиксировали ключевые позиции, которые советские дипломаты стремились донести до вышестоящих инстанций, а также демонстрировали разнообразие мнений, озвученных в рамках закрытых дискуссий. Критический разбор точек зрения, высказанных на страницах данных документов, позволит реконструировать концептуальную рамку внешнеполитических представлений ряда ведущих сотрудников НКВД. Сравнительно-исторический анализ взглядов Литвинова и Майского, дополненный в случае Майского сопоставлением позиций, сформулированных им в официальных записках и на страницах дневника, нацелен на раскрытие общего и особенного во взглядах двух дипломатов, выявление тех концептуальных посылов их записок и предложений, которые нередко оставались «между строк»².

Новый «баланс сил» в послевоенном мире

Терминология «многополярности» или «многополярного мира» оставалась чужда Литвинову и Майскому, как и многим последующим советским экспертам. Вместе с тем оба дипломата фактически использовали целый ряд допущений из концептуального арсенала «реальной политики» (нем. *Realpolitik*).

Уже на заре существования Страны Советов ряд советских дипломатов, в т. ч. полпред в Германии А.А. Иоффе, в своей практической работе нередко руководствовались «национальными интересами в духе “реальполитик”» (Ватлин, Ланник 2023: 35). Характеризуя взгляды членов «комиссии Литвинова» в 1943–

² Майский И.М. 2009. *Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943*. Кн. 2. Ч. 2. Отв. ред. А.О. Чубарьян. Москва: Наука.

1945 гг., исследователь также пришёл к выводу об их «реально-политическом», великодержавном мышлении» (Каганович 2000: 358). Как подчёркивал 8 сентября 1943 г. на первом заседании «комиссии Литвинова» академик Тарле, «все пункты надо разрабатывать с точки зрения максимальной безопасности советских границ от нового нападения, а также с точки зрения того, как мы мыслим будущую Европу с точки зрения наибольшей устойчивости мира и безопасности»³. Более того, ряд базовых допущений марксизма-ленинизма (например, о роли международной борьбы и соотношении сил между «империалистическими державами») вполне органично укладывался в концептуальную матрицу, близкую классическому «политическому реализму».

По завершении «коренного перелома» в Великой Отечественной и Второй мировой войне для советских дипломатов стало очевидно, что послевоенный «баланс сил» будет серьёзно отличаться от того, что существовал до 1939 г. Это не означало отказа от общей концептуальной рамки многополярности, в которой осмыслялись реалии межвоенного периода, однако её внутреннее наполнение и содержание, как считалось, окажутся совсем иными. Уже 26 декабря 1941 г., на фоне успехов советского контрнаступления под Москвой, Лозовский, оговорив, что «война в полном разгаре, и неизвестно, когда она кончится», всё же полагал, что «исход войны ясен». С его точки зрения, сложность послевоенной обстановки «будет заключаться в том, что из строя выбудут четыре великие державы (Германия, Япония, Италия и Франция) и решать дело придётся СССР, Великобритании и Соединённым Штатам»⁴.

«Комиссия Литвинова» подробно разрабатывала планы долгосрочного ослабления и даже возможного расчленения Германии (Филитов 2023: 15–71). Ещё до формирования Комиссии, в одной из ранних дипломатических разработок на послевоенный период, Майский настаивал на необходимости «индустриального разоружения» Германии (прежде всего, в виде резкого ослабления или даже ликвидации её военной промышленности): «При таких условиях даже в самом худшем случае новая германская агрессия не могла бы прийти так быстро, как это случилось в наши дни»⁵. Позднее, уже возглавляя Комиссию НКВД по возмещению ущерба, нанесённого СССР гитлеровской Германией и её союзниками, Майский продолжал следовать этой логике. С его точки зрения, при формулировании и отстаивании итоговой суммы и механизма взимания репараций с Германии советская сторона должна была принимать во внимание не только ущерб, который понёс СССР и другие страны, но и «соображения экономиче-

³ СССР и германский вопрос. 1941–1949. 1996. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Сост. Г.П. Кынин, И. Лауфер. Т. 1. Москва: Международные отношения. С. 239.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Майский – НКВД, 9 января 1943 г. *Документы внешней политики СССР* (далее – ДВП СССР). 2016. 1943. Т. 26. Кн. 1. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Майкоп: Полиграф-Юг. С. 30.

⁶ Записка Майского Сталину, 20 декабря 1944 г. СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 583.

ского разоружения Германии»⁶. С этой позицией заочно соглашался Литвинов. В записке наркому В.М. Молотову от 9 октября 1943 г. он отметил, что «необходимость более или менее полного разоружения Германии, в смысле роспуска германской армии, лишения Германии военно-морского флота и военной авиации, срытия военных укреплений, уничтожения военной промышленности Германии, является почти общепризнанной аксиомой»⁷.

Хотя вопросы, связанные с Японией, учитывая долго сохранявшийся нейтралитет Страны восходящего солнца в отношении СССР, не обсуждались столь же детально, было ясно, что после войны предполагалось ослабление и этого важного союзника Германии по «оси»⁸. В записке от 10 января 1944 г., не зная об уже данных И.В. Сталиным заверениям западным союзникам о последующем вступлении СССР в войну против Японии, Майский писал о том, что Советский Союз «не заинтересован в развязывании войны с Японией, но он очень заинтересован в военном разгроме Японии, ибо без этого последнего условия нельзя рассчитывать на длительный мир в Азии»⁹.

Сдерживание и недопущение новой агрессии со стороны Германии и Японии после победы над ними должно было сформировать одно из оснований не только для международной стабильности как таковой, но и для послевоенного взаимодействия ведущих держав антигитлеровской коалиции. Другим важным основанием этого взаимодействия, о котором не говорили публично, должен был стать негласный раздел на «зоны безопасности», которые, как писал Литвинов, «явятся иным выражением для “зон влияния”»¹⁰. В целом, «советские дипломаты исходили из того, что оптимальным путём достижения намеченных целей будет сохранение сотрудничества с США и Великобританией. ... Хотя в Москве знали, что здесь предстоит упорный торг (особенно по Польше), согласованный раздел сфер влияния был гораздо предпочтительней конфронтационно-силового» (Агансон и др. 2020: 454).

Согласно допущениям Литвинова, «наша максимальная сфера интересов, или, лучше сказать, зона безопасности, должна охватить Финляндию, Норвегию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Югославию, Болгарию и Турцию»¹¹. Во многом речь шла о серьёзном расширении «стратегического предполья» СССР и о создании новой «глубины обороны» на его западных и южных границах; уязвимость последних особенно волновала Сталина (Roberts 2011: 74–75). Предполагалось, что свои «зоны безопасности» будут в том или ином виде закреплены за Великобританией (Нидерланды, Бельгия, Франция,

⁷ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 288.

⁸ Записка Лозовского Сталину и Молотову, 26 декабря 1941 г. СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 142–143.

⁹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 347.

¹⁰ Записка Литвинова Молотову, 9 октября 1943 г. СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 277.

¹¹ Записка Литвинова Молотову и Вышинскому, 11 января 1945 г. СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 596. См. также: Из записки Литвинова, 15 ноября 1944 г. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.: Документы и материалы. 2021. Под ред. А.О. Чубарьяна и О.А. Вестада. Москва: Аспект Пресс. С. 241.

Испания, Португалия и Греция) и США (страны Западного полушария). При этом некоторые государства (Дания, Германия, Австрия, Швейцария и Италия) могли, как писал Литвинов, составить «нейтральную зону, в которой обе стороны (СССР и Великобритания – И.М.) сотрудничают на одинаковых основаниях при постоянной между собой консультации»¹².

Наличие подобных «сфер интересов», как рассчитывали советские дипломаты, не только не воспрепятствует послевоенному взаимодействию стран «Большой тройки», но во многом составит фундамент, на котором подобное взаимодействие будет строиться (Roberts 1999: 656, 672–673). К тому же Литвинов не исключал, что советской дипломатии удастся в том или ином виде закрепить распределение зон ответственности при создании Международной организации безопасности (будущей ООН). Это могло придать подобному разграничению больше легитимности и прочности: «... США в первую очередь отвечают за безопасность стран Американского континента и определённой части Тихого и Атлантического океанов; Великобритания, СССР и Китай имеют свои зоны безопасности, за которые они в одних случаях индивидуально, в других совместно отвечают и которые заранее, по общему соглашению, фиксируются»¹³.

В НКВД исходили из того, что вариант негласного раздела «сфер интересов» не вызовет радикального отторжения со стороны Вашингтона и Лондона. Действительно, между советским и англо-американским планированием на послевоенный период, каким он виделся в условиях существования антигитлеровской коалиции, имелась некоторая перекличка. Летом 1944 г. в МИД Великобритании полагали, что в основе архитектуры послевоенной безопасности в Европе могут лежать «западноевропейская система» во главе с Британией и «схожая система безопасности в Восточной Европе» во главе с Советским Союзом, причём англо-советский союзный договор от 26 мая 1942 г. выступит связующим звеном между этими системами¹⁴. Из секретных материалов Госдепартамента США, полученных по каналам Главного разведывательного управления Наркомата обороны, советские дипломаты видели, что в Вашингтоне есть определённое понимание внешнеполитических устремлений Москвы: «По причинам укрепления своей военной безопасности и расширения своих выходов к морю, Советский Союз ощущает прямую заинтересованность в государствах Центрально-Восточной Европы (Финляндия, Латвия, Эстония, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Албания и Греция)

¹² Записка Литвинова Молотову и Вышинскому, 11 января 1945 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 596.

¹³ Записка Литвинова «Международная организация безопасности», 25 апреля 1944 г. *Архив внешней политики Российской Федерации* (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 22.

¹⁴ From Foreign Office to Chiefs of Staff, 22 June 1944 (in COS (44) 113) *The National Archives of Great Britain*, Cabinet Office 80/44.

¹⁵ Документ Госдепартамента США «Региональная политика Советского Союза», 16 февраля 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 27.

и в Турции, Иране и Афганистане»¹⁵.

Готовность Москвы пойти на негласный раздел «сфер интересов» не означала отказа от изменения статус-кво в колониальной и полуколониальной периферии. Наследуя традиции прошлого, советская сторона готова была поддерживать антиколониальные движения, острие которых в значительной степени было направлено против Великобритании и Франции. Литвинов даже полагал, что «колониальная проблема» может создать «возможную базу советско-американского сотрудничества»¹⁶.

В 1943–1945 гг. границы послевоенной «сферы интересов» СССР отнюдь не были predetermined, и, как можно заметить, их итоговая конфигурация достаточно серьёзно отличалась от максимального варианта, о котором размышлял Литвинов. О сохранявшейся волатильности в оценках послевоенной международной обстановки говорили и соображения советских дипломатов по отдельным международным вопросам. Например, существенно эволюционировала позиция НКВД по «трансильванскому вопросу»: от предложений Литвинова, сформулированных в июне 1944 г. о предпочтительном формировании самостоятельного Трансильванского государства как своего рода советского протектората до итогового решения о закреплении Северной Трансильвании за Румынией. В условиях прихода к власти просоветского правительства П. Гроза в марте 1945 г. Румыния всё больше воспринималась как будущий союзник, а не противник (Исламов, Покивайлова 2008: 148–185).

Неясным для Майского в начале 1944 г. оставалась и будущая внешнеполитическая ориентация Польши, отчего в значительной степени зависел вопрос о степени её усиления после войны, которое была готова санкционировать Москва. В записке от 10 января, адресованной Молотову, дипломат писал о том, что «целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительно другом СССР (по крайней мере, на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определённой уверенностью сказать не может»¹⁷.

Аналогичная логика, увязывавшая отношение СССР к той или иной стране со степенью её дружественности Москве, гарантией которой было бы присутствие коммунистов во власти, заметна в позициях Майского по Германии и Литвинова по Франции. Размышляя в телеграмме от 9 января 1943 г. о будущем Германии, Майский исходил из того, что лучшей гарантией против эвентуальной немецкой агрессии стало бы создание в стране социалистического режима

¹⁶ Записка Литвинова «О взаимоотношениях с США», 10 января 1945 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 50.

¹⁷ *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 341.

¹⁸ *ДВП СССР*. Т. 26. Кн. 1. С. 28.

в результате «полнокровной и глубокой пролетарской революции»¹⁸. Однако дипломат считал, что подобный сценарий малореалистичен. Анализируя варианты послевоенных отношений с Францией в записке от 25 марта 1944 г., отправленной Молотову, Литвинов исходил из схожей логики. Он делал оговорку о том, что если во Франции «установится власть, на дружбу которой мы сможем прочно рассчитывать» (аллюзия на возможный приход к власти коммунистов), то Москва изменит тактику «в 24 часа». Всё же советский дипломат видел в этой стране послевоенного союзника Великобритании и США. Как итог, он рекомендовал тогда «решительно выступать против возвращения Франции ранга великой державы»¹⁹.

Анализируя устройство послевоенной Международной организации безопасности, Литвинов исходил из того, что «руководящую и решающую роль должны будут взять на себя доказавшие свою мощь в нынешней войне четыре Великих державы – СССР, США, Великобритания и Китай»²⁰. Опыт неожиданного быстрого разгрома Франции в 1940 г., очевидно, сказывался на восприятии роли и места этой страны в послевоенном мире. Как заметил Майский, «эта война явилась потрясающим предметным уроком для всего человечества. ... Франция просто провалилась»²¹. В январе 1944 г. бывший посол СССР в Великобритании продолжал исходить из того, что сама возможность воссоздания в послевоенный период «сильной французской армии и вообще возрождения Франции как подлинной великой державы представляется весьма сомнительной...»²².

Как правило, Литвинов и Майский были далеки от того, чтобы исходить из сценария революционных изменений в Европе и установления в европейских странах коммунистических режимов, *a priori* рассматривавшихся в качестве дружественных СССР. Тем не менее подобная перспектива не исключалась полностью. Ещё 2 февраля 1943 г. на страницах своего дневника Майский острожно размышлял о том, что освобождение Европы советскими силами при отсутствии «второго фронта» со стороны западных союзников может создать лучшие условия для распространения влияния СССР, а также для установления социалистических режимов в Старом Свете²³. Однако более вероятной для Майского виделась общая демократизация послевоенной Европы, в деле достижения которой «сотрудничество между СССР, США окажется возможным, хотя

¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 146. Л. 25, 28–29.

²⁰ Записка Литвинова «Международная организация безопасности», 25 апреля 1944 г. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 18.

²¹ Майский – Молотову, 13 февраля 1943 г. СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 194–195.

²² СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 339.

²³ Майский И.М. Указ. соч. С. 210–211.

²⁴ Записка Майского Молотову, 10 января 1944 г. СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 349.

и не всегда лёгким»²⁴.

Литвинов смотрел на ситуацию с большей тревогой, однако и он не считал идеологический антагонизм между бывшими союзниками антигитлеровской коалиции запрограммированным. С точки зрения дипломата, США будет особенно интересоваться «полная устойчивость» европейских стран «при установлении таких буржуазно-демократических или даже консервативных форм правления, при которых не приходилось бы опасаться социальных потрясений». Литвинов усматривал в этом конфликтный потенциал и полагал, что «неодинаковый подход к наведению порядка и установлению власти в некоторых странах Европы может породить недоразумения и трения между нами, с одной стороны, и Англией и США, с другой. Эти трения могут быть, в зависимости от развития события, временного и более длительного характера»²⁵. Как бы то ни было, общий посыл его подробной записки «О взаимоотношениях с США» (10 января 1945 г.) отнюдь не сводился к мысли о неизбежности советско-американского антагонизма.

Для оценок Литвиновым будущей роли и места Китая была характерна двойственность. С одной стороны, как демонстрировали его размышления о будущей Международной организации безопасности, Литвинов готов был включить Китай (в отличие от Франции) в число держав, которым отводилась руководящая роль в Совете организации. Однако, с другой стороны, гоминьдановский Китай не рассматривался им как государство, равное по своей мощи державам «Большой тройки». Литвинов не исключал даже того, что в послевоенный период «интерес США к Китаю... значительно возрастет, возможно, вплоть до фактического установления американского протектората над Китаем»²⁶.

На заседании «комиссии Литвинова» от 28 апреля 1944 г. её председатель, озвучив точку зрения отсутствовавшего Тарле, возражавшего против «уравнивания» гоминьдановского Китая с державами «Большой тройки», отметил: «Я сам понимаю, что речь идёт о трёх Великих державах, а Китай будет числиться номинально, но мы вынуждены говорить о четвёрке» (прежде всего, учитывая американскую позицию)²⁷. Майский призывал к усилению советского влияния в Китае, однако также был весьма осторожен, подчёркивая, что «степень содействия Китаю в его развитии и превращении в подлинно великую державу должна определяться характером тех сил, которые будут находиться у власти» в стране в послевоенный период. Дипломат даже не исключал складывания «лет

²⁵ Записка Литвинова «О взаимоотношениях с США», 10 января 1945 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 48.

²⁶ Там же. Л. 49.

²⁷ *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 23.

²⁸ *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 354, 359.

через 20–25» «враждебной СССР американско-китайской комбинации»²⁸.

Конфигурация отношений между ведущими державами послевоенного мира

Констатация того, что державы «Большой тройки» займут лидирующие позиции в послевоенном мире, не означала того, что точная конфигурация их «треугольных» отношений была predetermined. Она варьировалась на страницах различных документов за авторством советских дипломатов.

В одних случаях США и Великобритания представляли государствами, готовыми сплотиться по ряду вопросов на общей антисоветской основе. Размышляя о борьбе за установление тех или иных политических режимов в послевоенной Европе, Литвинов считал, что «в этом отношении американские интересы совпадают с английскими»²⁹. Майский строил свои прогнозы на схожих основаниях, полагая, что «если первый послевоенный период приведёт к развязыванию в Европе пролетарских революций, то отношения между СССР, с одной стороны, Соединёнными Штатами и Англией, с другой стороны, должны будут принять напряжённый и даже острый характер»³⁰. Дипломат исходил из базового согласия держав «Большой тройки» по «германскому вопросу» «сразу после окончания войны», но полагал, что «нет никаких гарантий, что такое согласие сохранится на длительный период после того»³¹. Мысль о том, что на будущей мирной конференции «по наиболее существенным вопросам мы будем иметь против себя объединённый фронт капиталистических держав», развивал и Лозовский³².

Вместе с тем тренд на складывание англо-американской (или шире – западной) солидарности на антисоветской основе не рассматривался как неизбежный. Более того, как подчёркивал тот же Лозовский на заседании «комиссии Литвинова» от 28 апреля 1944 г., в том, чтобы «не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза» заключалась «наша генеральная линия, вся наша политика»³³.

Мысль о возможной консолидации Лондона и Вашингтона на базе противодействия Москве соседствовала в оценках советских дипломатов с тезисом о более сложной и вариативной международной ситуации после войны. Если использовать термины из теории международных отношений, то подобные

²⁹ Записка Литвинова «О взаимоотношениях с США», 10 января 1945 г. *АВПРФ*. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 49.

³⁰ Записка Майского Молотову, 10 января 1944 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 358.

³¹ Майский – НКВД, 9 января 1943 г. *ДВП СССР*. Т. 26. Кн. 1. С. 29.

³² Записка Лозовского Сталину и Молотову, 26 декабря 1941 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 141–142.

³³ *АВПРФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 24.

суждения советских дипломатов были выстроены в логике своеобразной «трёхполярности», открывавшей для СССР, как считалось, возможности для дополнительного внешнеполитического маневрирования и для использования противоречий между США и Великобританией (Schweller 1998).

Майский утверждал, что в послевоенный период «логика вещей должна будет всё больше толкать Англию в сторону СССР, ибо её основная борьба в послевоенный период всё-таки будет борьбой с США». Исходя из этого, он рекомендовал «использование в советских интересах англо-американского противоречия с перспективой всё более тесного контакта с Англией»³⁴. Литвинов размышлял в схожем ключе, делая, однако, акцент на советско-американском сближении на антибританской основе. Он считал, что «неизбежное усиление экономического соревнования во всех частях света между США и Великобританией должно подсказывать обеим этим державам необходимость поддержания (sic) наилучших отношений с нами, чтобы не допускать нашего длительного объединения с одной из них против другой. Не менее важно и нам подрывать возможности частых объединений их против нас»³⁵.

Особое внимание Литвинова привлекали рисовавшиеся перспективы англо-американского соперничества в колониях, которое, как рассчитывал дипломат, Советский Союз мог использовать в целях расширения собственного международного присутствия и влияния. Размышляя в записке от 28 июня 1945 г. о вопросе международной опеки над бывшими итальянскими колониями, Литвинов писал о том, «что в предстоящем усиленном соперничестве с Англией США не захотят поощрять вообще усиление последней и в частности в Средиземном и Красном морях и в Индийском океане». С точки зрения дипломата, это открывало определённое «окно возможностей» для усиления позиций СССР. Литвинов предлагал «начать с постановки вопроса о передаче всех итальянских колоний в Африке под совместную опеку трёх держав – СССР, США и Англии»³⁶.

Та концептуальная схема, из которой исходили ведущие сотрудники НКВД, отличалась от биполярности не только ввиду предполагавшихся возможностей СССР играть на англо-американских противоречиях, но и ввиду того, что в 1944–1945 гг. советские дипломаты отводили немаловажную роль другим международным акторам, в т.ч. ведущим европейским странам.

На страницах записок Литвинова и Майского в рассматриваемый период ещё не «проступало» так явно сокращение британской мощи. Хотя растущее давление США на бывшие британские позиции было очевидным, советские дипломаты не были готовы списывать Великобританию со счетов. Ситуация оста-

³⁴ Записка Майского Молотову, 10 января 1944 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 358–359.

³⁵ Записка Литвинова «О взаимоотношениях с США», 10 января 1945 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 51.

³⁶ *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 07. П. 17. Д. 174. Л. 64, 66.

валась двойственной.

С одной стороны, на завершающих этапах Второй мировой войны не вызвало сомнений, что вклад Великобритании уступает не только вкладу СССР, но и США, что отчасти подготавливало будущую bipolarность. Во время беседы с министром иностранных дел Э. Иденом, состоявшейся 31 августа 1943 г., Майский упирал на то, что «потери Великобритании в 8 раз, потери Британской империи в 70 раз меньше, чем потери СССР». Советский посол полагал, что «приведённое сопоставление ещё нагляднее подчёркивает недостаточность усилий Англии в нашей общей борьбе»³⁷.

С другой стороны, сотрудники НКВД в 1943–1945 гг. были далеки от того, чтобы рассматривать послевоенную роль Лондона только через призму «упадка Британии». В советских дипломатических оценках Великобритания, связанная с СССР союзным договором от 26 мая 1942 г., нередко представляла ключевым партнёром при решении вопросов в послевоенной Европе. Майский указывал, что «военная оккупация, разоружение и раздробление Германии могут быть осуществлены только при наличии согласия между главными союзниками, то есть СССР, Англией и США, как минимум, при наличии согласия хотя бы между СССР и Англией»³⁸.

Важным было и то обстоятельство, что некоторые советские дипломаты считали возможным повторение ситуации, имевшей место после окончания Первой мировой войны, когда США отказались брать военно-политические обязательства в Европе. К этой точке зрения склонялся Литвинов, хотя Лозовский дискутировал с ним по данному вопросу³⁹. Потенциальный уход США из Европы рассматривалось Литвиновым как обстоятельство, которое усиливало роль советско-британских отношений, построенных на базе негласного раздела «сфер влияния»⁴⁰.

Члены «комиссии Литвинова» призывали не сбрасывать полностью со счетов и другие европейские государства. Так, на заседании комиссии 25 марта 1944 г. академик Тарле, осторожно полемизируя с Литвиновым, говорил, что Франция «могла быть противовесом англосаксам», и «не возражал бы против сильной Франции», хотя и не очень верил в быстроту её возрождения⁴¹. В своей более ранней записке «Франко-русские отношения» (декабрь 1943 г.) Тарле высказал тезис о близости российских и французских интересов на протяжении истории в ещё более явной форме. Однако затем под влиянием критики со сто-

³⁷ Майский – НКВД СССР, 3 сентября 1943 г. *ДВП СССР*. 1943. Т. 26. Кн. 2. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Майкоп: Полиграф-Юг, 2016. С. 16.

³⁸ Майский – НКВД, 9 января 1943 г. *ДВП СССР*. Т. 26. Кн. 1. С. 29.

³⁹ Стенографический протокол № 6 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 28 апреля 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 40, 42.

⁴⁰ Из записки Литвинова «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», 15 ноября 1944 г. *Советско-британские отношения*. С. 238–243.

⁴¹ *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 6.

роны Литвинова историк изменил свою позицию (Магадеев 2023: 368–370).

Вопрос о роли «французского фактора» занимал немаловажное место во внутренних дискуссиях НКВД о послевоенном мире. Точки зрения различных дипломатов не совпадали, к тому же позиция того или иного деятеля могла эволюционировать в зависимости от многих факторов, в том числе международной обстановки.

На страницах записки от 25 марта 1944 г. Литвинов высказал мысль о том, что «французские дружественные жесты» в отношении Москвы имеют «лишь целью дразнить, пугать и склонить к уступкам Англию и Америку, с которыми Франция в основном и будет, по всей вероятности, сотрудничать против нас»⁴². В других случаях Литвинов рисовал более сложную картину, несводимую к противостоянию СССР и коалиции западных стран с участием Франции. Выступая против изначального членства Франции в Совете Международной организации безопасности, Литвинов рассчитывал сыграть на англо-американских противоречиях по «французскому вопросу». В качестве сторонника недопущения Франции в Совет Международной организации, с точки зрения дипломата, «можно, пожалуй, рассчитывать на Америку, которая меньше заинтересована во Франции, чем Англия»⁴³.

К концу 1945 г., когда в НКВД имелись осторожные надежды на ситуативную солидарность с Парижем и общую оппозицию англо-американским попыткам сохранить Германию «в качестве более или менее обширного сильного государства»⁴⁴, позиция Литвинова трансформировалась. Дипломат склонялся к тому, что «поддержка нами притязаний Франции на западе в такой степени, чтобы это не слишком укрепляло её» (например, в виде присоединения Саара), «может иметь большое значение для советско-французских отношений»⁴⁵. Впрочем, он осознавал, что потенциальный эффект от разыгрывания «французской карты» не стоит преувеличивать. Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, запланированное на декабрь, рассматривалось Литвиновым как возможность для обмена мнениями и определения общего отношения правительств «Большой тройки» к особой французской позиции (на тот момент Париж противился созданию «центральных правительственных механизмов» в Германии)⁴⁶. Именно согласованию позиций с Вашингтоном и Лондоном, а не привилегированному диалогу с Парижем было в декабре 1945 г.

⁴² Там же. Д. 146. Л. 29.

⁴³ Стенографический протокол № 6 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 28 апреля 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 35.

⁴⁴ Записка Литвинова «По поводу записок Альфана о Западной Германии», 15 декабря 1945 г. *СССР и германский вопрос. 1941–1949*. 2000. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. Т. 2. Москва: Международные отношения. С. 304.

⁴⁵ Записка Литвинова «Дополнительно к разногласиям с Францией в отношении Германии», 29 ноября 1945 г. *АВП РФ*. Ф. 0136. Оп. 29. П. 196. Д. 19. Л. 134.

⁴⁶ Там же. Л. 133.

отдано предпочтение Москвы.

Ещё более критическую позицию занял Суриц. Он выступал против включения Франции в число первоначальных членов Совета Международной организации безопасности и исходил из того, что «послевоенная Франция, если в ней, конечно, не произойдёт радикального социального переворота, будет секундировать англо-саксам против нас, а не наоборот»⁴⁷. Оппонентом Сурица выступил Лозовский, который, в отличие от Литвинова и Тарле, относил Францию к числу великих держав и считал, что «вряд ли нам будет с политической точки зрения выгодно занимать позицию недопущения Франции в руководящий состав (Международной организации)»⁴⁸.

Дискуссионным для советских дипломатов оставался вопрос и о будущих отношениях с Италией и её роли в послевоенном мире. Как свидетельствовало заседание «комиссии Литвинова» от 4 сентября 1944 г., её члены не были единодушны. Тарле призывал к ослаблению Италии в послевоенный период, основываясь на историческом опыте российско-итальянских отношений. С точки зрения академика, всякий раз, когда Италия «либо полуобъединялась, как при Наполеоне, либо шла к объединению, как во время Крымской войны и в последующие войны, она выступала против нас, т. е. всякий раз была тенденция подчиниться по своим собственным соображениям любому хищнику, который против нас шёл»⁴⁹.

Другой член комиссии, дипломат и историк Штейн, напротив, считал, что перед советской дипломатией разворачиваются неплохие перспективы в деле развития послевоенных отношений с Италией. Он полагал неубедительными аргументы, заимствованные Тарле из прошлого: «...никто другой, как именно Е.В. Тарле убедительно показал в своей книге о Крымской войне, что Италия участвовала в ней отнюдь не потому, что её интересы сталкивались с интересами России». Штейн даже не исключал превращения Италии в один из «опорных пунктов» для влияния СССР в Средиземноморье⁵⁰.

В размышлениях советских дипломатов о дипломатической игре с Парижем и Римом с целью ослабить их ориентацию на Великобританию проглядывали контуры позитивного отношения НКВД к идее многополярности. Однако если речь шла о потенциальном формировании антисоветского «центра силы», то отношение к такой многополярности было резко отрицательным. Именно такую позицию занял НКВД в отношении активно обсуждавшегося

⁴⁷ Стенографический протокол № 6 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 28 апреля 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 30.

⁴⁸ Там же. Л. 24.

⁴⁹ Стенографический протокол №9 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 4 сентября 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 76.

⁵⁰ Там же. Л. 78–79.

в 1942–1943 гг. проекта послевоенной чехословацко-польской федерации (или конфедерации). Как подчёркивал Молотов, «идея конфедерации не только безжизненная, но и вредная и опасная для борьбы славянских народов с немецким засильем в Европе»⁵¹.

Факторы влияния на концепции советских дипломатов

В приведённых выше рассуждениях советских дипломатов о различных аспектах послевоенного мироустройства учитывались разнообразные факторы. Выделим три из них.

Первый. Члены комиссий Литвинова и Майского, как и высшее советское руководство, принимали во внимание потенциалы мощи тех или иных государств, в оценке которых Вторая мировая война задала новый масштаб. Полущутия, У.С. Черчилль и И.В. Сталин во время Ялтинской конференции сошлись на том, что «вступительный взнос» в «очень привилегированный клуб» трёх ведущих держав антигитлеровской коалиции составлял численность вооружённых сил в 3–5 млн чел.⁵². В разработках «комиссии Литвинова» по сокращению послевоенной мощи Германии особое внимание обращалось на такие её компоненты, как территория, численность населения, уровень развития и число занятых в промышленности, сырьевая и энергетическая база, уровень развития сельского хозяйства⁵³. Высказывая в январе 1944 г. скепсис по поводу возможного возрождения Франции, Майский упоминал такие обстоятельства, как отставание по численности населения от Германии, а также «тот тяжёлый политический и моральный кризис, который французский народ пережил в течение нынешней войны»⁵⁴.

Совокупный потенциал мощи, вклад в победу над странами «оси», уровень международно-политического влияния, закреплённый по итогам войны – всё это во многом и определяло ведущее положение стран «Большой тройки», согласно размышлениям советских дипломатов. Колоссальные потери обеспечивали морально-политический фундамент для настойчивости Москвы в отстаивании нового статуса СССР как одной из ведущих держав послевоенного мира. Однако материальное основание для таких требований составила именно военно-политическая мощь советского государства, резко возросшая, несмотря

⁵¹ Молотов – Богомолову, 11 марта 1943 г. *ДВП СССР*. 1943. Т. 26. Кн. 1. С. 203.

⁵² Запись заседания глав правительств, 7 февраля 1945 г. *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.*: Сб. док. 1984. Гл. ред. комиссия: А.А. Громыко и др. Т. 4. Москва: Политиздат. С. 110.

⁵³ Записка Варги Литвинову, 27 сентября 1943 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 252–263.

⁵⁴ *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 340.

на понесённый ущерб.

Второй. Литвинов и Майский серьёзное место отводили уровню политико-идеологического противостояния между СССР и странами Запада. Такое противостояние в значительной степени увязывалось советскими дипломатами с характером формирования и сутью внутривнутриполитических режимов в странах Европы, хотя Литвинов и Майский не брались предсказывать точный уровень вытекавшей из этого конфликтности.

Третий. Завершающий фактор, на который вслед за советскими дипломатами хотелось бы обратить внимание, можно обозначить как «географический» или даже «геополитический», хотя терминология, связанная с геополитикой, была табуирована в СССР, в т. ч. ввиду её распространения в нацистской Германии. Несмотря на это, Майский не был чужд базовой дихотомии между сухопутными и морскими государствами, о которой в своё время писали Х.Дж. Маккиндер и А. Мэхэн. С точки зрения советского дипломата, «в послевоенной Европе должна оставаться только одна могущественная сухопутная держава – СССР и только одна могущественная морская держава – Англия»⁵⁵.

Географическая удалённость США от Европы и опыт американской политики после Первой мировой войны, как рассчитывал Литвинов даже до заверений Ф.Д. Рузвельта об уходе из Старого Света, данных в Ялте, поспособствуют послевоенному снижению конфликтности между Советским Союзом и Соединёнными Штатами⁵⁶. Их «сферы интересов», согласно данной логике, оказались бы разведены в пространстве. В записке от 10 января 1945 г. Литвинов полагал, что «не приходится ждать больших трений между нами и США при окончательном оформлении наших западных границ». Более того, согласно советскому дипломату, «Америка мало заинтересована в европейских границах», желая лишь обшей стабилизации Европы для расширения экспорта и инвестиций⁵⁷.

Заключение

Концептуальная рамка представлений советских дипломатов, сформулированных в 1943–1945 гг. применительно к послевоенному устройству, была далека от моделей биполярности и Холодной войны. Сотрудники НКВД, и особенно Литвинов и Майский, не игнорировали вариант нарастания противоречий между СССР и западными странами во главе с США и Великобританией, однако предпочитали этой опции сотрудничество ведущих держав анти-

⁵⁵ Записка Майского Молотову, 10 января 1944 г. *СССР и германский вопрос*. Т. 1. С. 352.

⁵⁶ На заседании глав правительств 5 февраля 1945 г. президент США выразил сомнение в том, что Соединённые Штаты смогут «держать в Европе большую армию более чем в течение двух лет после окончания войны». См.: *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Т. 4. С. 66.

⁵⁷ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 47–48.

гитлеровской коалиции на базе негласного раздела «сфер интересов». Вариант сплочённого англо-американского «фронта», направленного против СССР, не исключался в случае коммунистического «переформатирования» Европы, однако перед советской дипломатией стояли задачи не допустить образования подобного «фронта», а также использовать противоречия между Вашингтоном и Лондоном.

Представления Литвинова и Майского, близкие к модели своеобразной «трёхполярности» СССР, США и Великобритании, при которой Советский Союз сможет маневрировать между двумя англосаксонскими державами, сосуществовали в НКВД с другими точками зрения. Их авторы призывали не забывать о других международных акторах, в т. ч. Франции, как то делал академик Тарле, или об Италии, как подчёркивал Штейн. В условиях неопределённости внутрисоюзной ситуации в послевоенном Китае и его относительной слабости Литвинов и Майский не были склонны отводить данному государству судьбоносной роли для послевоенного мира. В этом смысле взгляды советских дипломатов во многом оставались европоцентричны.

Новый «баланс сил», основанный на резко возросшей мощи держав «Большой тройки», на их решающем вкладе в победу над странами «оси» и расширенном международно-политическом влиянии по итогам Второй мировой войны, рассматривался как основа для новой международно-политической конструкции. При этом особое внимание Литвинов и Майский отводили географическому фактору. Потенциальный уход США из Европы, преимущественный статус Великобритании как морской державы, а СССР как сухопутной – указанные обстоятельства, как считалось, могли снизить уровень конфликтности между странами-лидерами антигитлеровской коалиции, особенно в Старом Свете. Если исходить из подобной интерпретации, то интересы СССР, США и Великобритании оказались бы в той или иной степени «разведены» по разным географическим зонам. При этом Москва рассчитывала ослабить влияние Лондона в бывшей колониальной периферии, в чём, как не исключал Литвинов, она могла негласно сотрудничать с Вашингтоном.

В целом представляется возможным говорить о том, что размышления советских дипломатов в 1943–1945 гг. о послевоенном мире не столько предвещали реалии биполярного мира и Холодной войны, сколько настраивали на движение в сторону многополярной модели, хотя и серьёзно трансформированной по сравнению с прошлым. Многополярность была фактом, характерным для межвоенного периода, для того времени, когда во многом и утвердились представления ведущих советских дипломатов о международных отношениях и мировой политике (схожая констатация во многом применима и к Сталину) (Wohlforth 1993: 86). Параллели с реалиями 1920–1930-х гг. просматривались в тезисах Литвинова о том, что после Второй мировой войны возродятся «про-

тиворечия между Англией и Францией», и о «стремлении Англии к сохранению равновесия сил в Европе хотя бы путём поддержки Германии»⁵⁸, а также в ре-марке Лозовского, сделанной в апреле 1944 г. Последний отметил, что Франция «всё-таки имеет влияние среди известной группы европейских стран». По всей видимости, в их число Лозовский включал бывших «тыловых союзников» Парижа – Польшу, Чехословакию, Румынию⁵⁹.

Исходя из рекомендаций Литвинова и Майского, можно заключить, что «вырисовывался своего рода “концерт” трёх великих держав, основанный на разграничении и взаимном признании сфер влияния друг друга» (Печатнов 2006: 254). «Концерт», вызывавший ассоциации с итогами Венского конгресса 1814–1815 гг., оставался притягательным примером, и к некоей его «реинкарнации» ряд государственных деятелей стран Запада стремился вернуться как после Первой, так и после Второй мировой войны.

Говоря о влиянии межвоенных образов на сотрудников НКВД, можно отметить и определённые параллели между двумя международно-политическими моделями. Первая из них – своеобразная «трёхполярность» СССР, США и Великобритании, располагающих собственными «сферами интересов», о которой писали Литвинов и Майский. Вторая модель – т. н. панъобъединения, о которых активно дискутировали в 1920–1930-е гг. Такими «панъобъединениями», как прогнозировали в межвоенный период, могли стать всё те же СССР, США и Британская империя, а также потенциальная европейская интеграционная группировка (Панъевропа), которая, действуя консолидировано, могла не затеряться на фоне «неевропейских» гигантов⁶⁰. Аллюзии на «панъобъединения» неоднократно встречались в англо-американских дискуссиях 1944–1945 гг. о распределении «сфер ответственности» в рамках Международной организации безопасности, что фиксировали в НКВД⁶¹.

К внешнеполитическим рецептам, сформировавшимся уже в первые годы советской власти и продолжавшим влиять на размышления советских дипломатов в 1943–1945 гг., можно отнести призывы играть на «межимпериалистических» противоречиях. В этом отношении сотрудники НКВД недооценили степень англо-американской солидарности перед лицом СССР в новых послевоенных условиях. К уже традиционным инструментам советской дипломатии можно отнести также идеи Литвинова и Майского о поддержке антиколониальной и национально-освободительной борьбы. Данная рекомендация, напротив, оказалась весьма востребованной в условиях Холодной войны.

⁵⁸ Записка Литвинова «Международная организация безопасности», 25 апреля 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 17.

⁵⁹ Стенографический протокол № 6 заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 28 апреля 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 40.

⁶⁰ Магадеев И.Э. 2021. *В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы*. Москва: Аспект Пресс. С. 808–809.

⁶¹ Записка Литвинова «Международная организация безопасности», 25 апреля 1944 г. *АВП РФ*. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 22–25.

Подытоживая исследование, можно констатировать, что концептуальная рамка представлений Литвинова, Майского, а также ряда других советских дипломатов в 1943–1945 гг. (модель трансформированной многополярности) не была лишена внутренних противоречий. Хотя их воззрения были обращены в будущее, в немалой степени на них лежала «тень прошлого», в чём-то послужившая ориентиром, но в чём-то и разошедшаяся с новой реальностью.

Об авторе:

Искандэр Эдуардович Магадеев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: iskander2017@yandex.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)» в ИНИОН РАН).

UDC: 94(47)"1943/1945":327
Received: October 10, 2023
Accepted : November 20, 2023

Ideas of Multipolarity in the Conceptual Frame of the Soviet Diplomacy during the Final Phases of the Great Patriotic war (1943–1945)

 I.E. Magadeev
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-124-152](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-124-152)

MGIMO University

Abstract: This article endeavors to delineate the conceptual landscape occupied by the notions of prospective multipolarity within the strategic discourse of Soviet diplomacy during the latter phases of the Great Patriotic War. Particular emphasis is placed on the intellectual contributions of two prominent Soviet diplomats, M.M. Litvinov and I.M. Maisky. The author substantiates these insights by drawing upon both published and archival source materials,

including the diaries and records maintained by officials within the Soviet Foreign Office, as well as documents emanating from the "Litvinov commission."

While the diplomatic theories formulated by Litvinov and Maisky during the years 1943–1945 have been subject to analysis by Russian and international scholars, the majority of extant scholarship has traditionally focused on the content and nuances of their perspectives on specific international "questions." Departing from this convention, this article adopts a methodological approach that seeks to explore the underlying conceptual foundations upon which the ideas of Litvinov and Maisky were constructed. Additionally, the essay introduces a novel dimension by surveying the viewpoints of other Soviet diplomats (S.A. Lozovskii, B.E. Shtein, Ia.Z. Surits, E.V. Tarle), who have garnered relatively less scholarly attention.

Of paramount interest is the manner in which Litvinov and Maisky envisaged the post-World War II international landscape, albeit without explicitly employing the term "multipolarity." The article addresses critical questions, such as their perception of the global scenario following WWII, their consideration of the inevitability of Soviet-American bipolarity, and the factors and circumstances that influenced their conceptualizations. The contemporary resurgence of discussions surrounding the trajectory of multipolarity in the twenty-first century underscores the pertinence of this historical inquiry.

The article's key conclusion posits that the conceptual framework embraced by Soviet diplomats during 1943–1945 was not centered on notions of bipolarity or an imminent Cold War. While acknowledging the potential escalation of tensions between the USSR and Western nations led by the USA and Great Britain, they favored collaboration among the principal powers of the anti-Hitlerite coalition, grounded in an implicit understanding of their respective "spheres of influence." Although Soviet Foreign Office officials did not discount the possibility of the formation of a united Anglo-American front against the USSR, they believed that Soviet diplomacy should actively work to prevent such an outcome by capitalizing on the fissures between Washington and London.

Keywords: USSR, Soviet diplomacy, Great Patriotic War, Second World War, post-war world, Litvinov, Maisky, multipolarity

About the author:

Iskander E. Magadeev – Candidate of Sciences, Associate Professor, Department of European and American Studies, MGIMO University. 119454, Moscow, prospekt Vernadskogo, 76.
E-mail: iskander2017@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

This work has been supported by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00622 « Strategic culture of Great Powers in 20–21 centuries: comparative and historical analysis (basing on the examples of Russia and USA) » in INION RAN.

References:

- Kissinger H.A. 1969. *American Foreign Policy: Three Essays*. New York: W.W. Norton. 143 p.
- Roberts G. 1999. Ideology, Calculation, and Improvisation: Spheres of Influence and Soviet Foreign Policy 1939–1945. *Review of International Studies*. 25(4). P. 655–673.
- Roberts G. 2002. Litvinov's Lost Peace, 1941–1946. *Journal of Cold War Studies*. 4(2). P. 23–54.
- Roberts G. 2006. *Stalin's Wars: from World War to Cold War, 1939–1953*. New Haven; London: Yale UP. 468 p.

Roberts G. 2011. Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8. *Journal of Contemporary History*. 46(1). P. 58–81.

Schweller R.L. 1998. *Deadly Imbalances: Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest*. New York: Columbia UP. 267 p.

Wohlforth W. 1993. *The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold War*. Ithaca: Cornell UP. 317 p.

Afiani V.Iu. 2016. Problemy reparatsii na Ialtinskoj konferentsii. Po dokumentam lichnogo fonda I.M. Maiskogo v arkhive RAN [The Reparations Issue on the Crimea (Yalta) Conference: On Documents from the Personal Provenance Fond of Ivan M. Maisky in the Archive of the Russian Academy of Sciences]. *Vestnik arkhivista*. 5(14). P. 45–47. (In Russian)

Aganson O.I. et al. 2020. *Vtoraia mirovaia voina i transformatsiia mezhdunarodnykh ot-noshenii: ot mnogopoliarnosti k bipoliarnomu miru* [Second World War and Transformation of International Relations: from Multipolarity to Bipolar World]. Ed. by L.S. Belousov, A.S. Manykin. Moscow: MGU. 885 p. (In Russian)

Ageev A.I. et al. 2014. *Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 godov* [Great Patriotic War of 1941–1945]. T. 8. Ed. by V.G. Titov et al. Moscow: Kuchkovo pole. 864 p. (In Russian)

Anichkina V.S. et al. 1979. *Sovremennye vneshnepoliticheskie kontseptsii SShA* [Contemporary Foreign Policy Conceptions of the USA]. Moscow: Nauka. 381 p. (In Russian)

Arzakanian M.T. 2010. SSSR i griadushchaia pobeda soiuznikov v voine: vzgliad iz Velikobritanii [The USSR and the Allies' Forthcoming Victory in the War: A View from Great Britain]. *MGIMO Review of International Relations*. 5(14). P. 45–47. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-5-14-45-47 (In Russian)

Balandina O.A., Davydov A.Iu. 2020. *Vlast', informatsiia i obshchestvo: ikh vzaimosviazi v deiatel'nosti Sovetskogo informbiuro v usloviakh Velikoi Otechestvennoi voiny* [Power, Information and Society in the Framework of the Soviet Information Bureau's Activities during the Great Patriotic war]. Saint Petersburg: Evraziia. 320 p. (In Russian)

Baryshnikov V.N., Plenkov O.Iu. 2015. Diplomats B.E. Shtein i sovetsko-finliandskie ot-nosheniia sere diny 1930-kh gg. [Diplomat B.E. Shtein and the Soviet-Finnish Relations in the mid-1930s]. *Trudy Kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni* [Transactions of the Department of Modern and Contemporary History]. Vol. 15. Saint Petersburg: SPbGU Publ. P. 79–103. (In Russian)

Carley M.J. *Tainaivoina: Zapad protiv Rossii, 1917–1930* [Secret War: West against Russia, 1917–1930]. Moscow: Istoricheskaia literatura. 768 p. (In Russian)

Filitov A.M. 2023. *Germaniia v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii (1941–1990)* [Germany in the Soviet Foreign Policy Planning (1941–1990)]. Moscow: Iurait. 316 p. (In Russian)

Filitov A.M. 1995. V komissiiakh Narkomindela... (In the Commissions of the Soviet Foreign Office...) *Vtoraia mirovaia voina. Aktual'nye problemy* [Second World War. Topical Problems]. Ed. by O.A. Rzheshevskii. Moscow: Nauka. P. 54–71. (In Russian)

Gorozii V.S. 2018. Komissii M.M. Litvinova po podgotovke mirnykh dogovorov i poslevoennogo ustroistva: plany v otnoshenii Zapadnoi Evropy [M.M. Litvinov's Commission on Preparation of the Peace Treaties and Post-War Settlement: Plans in Regard of Western Europe]. *Klio*. 6(138). P. 123–128. (In Russian)

Iakovlev A.G. 1990. Vneshniaia politika KNR: problemy issledovaniia v svete novogo myshleniia [Foreign Policy of the PRC: Problems of Studying in the Light of New Thinking]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. №2. P. 99–107. (In Russian)

Iakovlev N.N. et al. 1976. *SShA: politicheskaia mysl' i istoriia* [USA: Political Thought and History]. Ed. by N.N. Iakovlev. Moscow: Nauka. 617 p. (In Russian)

Islamov T.M., Pokivailova T.A. 2008. *Vostochnaia Evropa v silovom pole velikikh derzhav. Transil'vanskii vopros. 1940–1946 gody* [Eastern Europe in the Force Field of Great Powers. Transylvanian Question. 1940–1946]. Moscow: Indrik. 240 p. (In Russian)

Kaganovich B.S. 2000. E.V. Tarle v Komissii po voprosam mirnykh dogo-vorov i poslevoen-nogo ustroistva (1943–1945 gg.) [E.V. Tarle in the Commission of Peace Treaties and Post-War Settlement (1943–1945)]. *Problemy vsemirnoi istorii: sb. st. v chest' akademika A.A. Fursenko* [Es-says on World History: Dedicated to Academician A.A. Fursenko]. Ed. by B.V. Anan'ich. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. P. 351–360. (In Russian)

Kaganovich B.S. 2014. *Evgenii Viktorovich Tarle. Istorikivremia* [Evgenii Viktorovich Tarle. Historian and Time]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 357 p. (In Russian)

Khakhalkina E.V., Zhigalov B.S. 2019. «Zvezdnyi chas» posla I.M. Maiskogo (iiun' 1941 – iiul' 1943 gg.) [The “Finest Hour” of the Ambassador I.M. Maisky (June 1941 – July 1943)]. *Vo-prosy istorii*. №12. P. 27–43. DOI: 10.3116/VoprosyIstorii201912Statyi24 (In Russian)

Khlebnikov P.P. 1984. *Neob"iavlennnye voiny SShA* [Undeclared US Wars]. Moscow: Mysl'. 271 p. (In Russian)

Kholodkovskii K.G. 1991. Mezhdru istinoin i skhemoi [Between Truth and Scheme]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. №7. P. 19–22. (In Russian)

Khromushin G.B. 1974. *Sovremennyi mir i ideologicheskaia bor'ba* [Contemporary World and Ideological Battles]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 197 p. (In Russian)

Kokoshin A.A. 1978. *O burzhuaznykh prognozakh razvitiia mezhdunarodnykh otnoshenii* [About Bourgeois Forecasts on Development of International Relations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 230 p. (In Russian)

Kunina A.E. 1988. *SShA: metodologicheskie problemy istoriografii (praktika issledovaniia)* [USA: Methodological Problems of Historiography (Practice of Research)]. Moscow: Nauka. 212 p. (In Russian)

Magadeev I.E. 2020. «Uroki voiny» i strategicheskoe planirovanie derzhav «Bol'shoi troiki» (1945–1949). [Lessons of World War II and Strategic Planning of the Big Three]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*. 12(3). P. 45–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-45-84 (In Russian)

Magadeev I.E. 2023. Prakticheskaiia istoriografiia: E.V. Tarle i diskussii po «frantsuzskomu voprosu» v NKID SSSR (1943–1944) [Practical Historiography: E.V. Tarle and Discussions on the “French Question” in the Soviet Foreign Office (1943–1944)]. *Noveishaia istoriia Rossii*. 13(2). P. 363–375. DOI: 10.21638/spbu24.2023.207 (In Russian)

Narinskii M.M. 2010. Sovetskoe rukovodstvo i problema granits i sfery vliianiia SSSR v 1941–1946 gg. (Soviet State, Frontiers and Spheres of Influence in 1941–1946) *65 let Velikoi Pobedy* [Great Victory: 65 Years Ago]. Ed. by A.V. Torkunov, S.E. Naryshkin. T. 3. Moscow: MGIMO-University. P. 52–61. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.: Dokumental'nye ocherki* [Stalin, Roosevelt and Truman: USSR and USA in the 1940s. A Documental Study]. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub. 752 p. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2009. Uroki Vtoroi mirovoi voiny v voenno-politicheskom planirovanii SShA i SSSR na poslevoennnyi period [Lessons of the Second World War in the American and Soviet Military and Political Planning for the Post-War Period]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*. №1. P. 116–133. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2010. Posol SSSR v Velikobritanii I.M. Maisky: Po stranitsam ego dnevniko-vykh zapisei [USSR Ambassador to Great Britain I.M. Maisky: Basing on His Diaries]. *Novaia i noveishaia istoriia*. №3. P. 187–199. (In Russian)

Pechatnov V.O. 2013. Stalingradskaia bitva i problema vtorogo fronta [The Battle of Stalingrad and the Second Front Problem]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(29). P. 86–94. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-2-29-86-94 (In Russian)

Petrovskii V.F. 1976. *Amerikanskaia vneshnepoliticheskaia mysl'* [American Foreign Policy Thinking]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 333 p. (In Russian)

Pikhoia R.G. 2014. «Arkhivnaia revoliutsiia»: dvadtsat' let spustia [“Archival Revolution”: Twenty Years Later]. Pt. 3. *Arkheograficheskii ezhegodnik*. Ed. by S.O. Shmidt. Moscow: Nauka. P. 4–22. (In Russian)

Pleshakov K. 1991. Nashi natsional'nye interesy v perekhodnyi period [Our National Interests during the Period of Transition]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. №10. P. 15–25. (In Russian)

Pozdeeva L.V. 2008. I.M. Maisky i A. Eden [I.M. Maisky and A. Eden]. *Novaia i noveishaia istoriia*. №1. P. 171–184. (In Russian)

Pozharskaia S.P. 2004. I.M. Maisky. *Portrety istorikov. Vremia i sud'by* [Portraits of Historians. Time and Destinies]. Ed. by G.N. Sevost'ianov. T. 4. Moscow: Nauka. P. 282–302. (In Russian)

Primakov E.M. et al. 1983. *Vostok: rubezh 80-kh godov. Osvobodivshiesia strany v sovremennom mire* [Orient: on the Edge of the 1980s. Liberated Countries in the Contemporary World]. Moscow: Nauka. 269 p. (In Russian)

Sal'kov A.P. 2009. SSSR i Triestinskii krizis (mai – iyun' 1945 g.) [USSR and Trieste Crisis (May – June 1945)]. *Pratsy gicтарыchnaga fakul'teta BDU: navuk. zb.* Vol. 4. Ed. by U.K. Korshuk. Minsk: BGU. P. 128–141. (In Russian)

Sergunin A.A. 1989. *SShA: prezidentskii lobbizm i vneshniaia politika* [USA: Presidential Lobbying and Foreign Policy]. Moscow: Znanie. 63 p. (In Russian)

Sindeev A.A. 2020. Diplomaticeskii front Velikoi Otechestvennoi voiny: kontury poslevoennoi Evropy v 1944 g. [The Diplomatic Front of the Great Patriotic War: the Contours of Post-war Europe in 1944] *Sovremennaiia Evropa*. №3. P. 158–169. DOI: 10.15211/soveurope32020158169 (In Russian)

Sizonenko A.I. 1991. Polpred SSSR Ia.Z. Surits [Plenipotentiary Envoy Ia.Z. Surits]. *Novaia i noveishaia istoriia*. №3. P. 100–117. (In Russian)

Sokolov V.V. 2001. I.M. Maisky mezhd I.V. Stalinym i U. Cherkhillom v pervye mesiatsy voiny [I.M. Maisky between I.V. Stalin and W. Churchill during the First Months of the War]. *Novaia i noveishaia istoriia*. №6. P. 18–31. (In Russian)

Sokolov V.V. 2002. M.M. Litvinov. *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii* [Essays on History of the Russian Ministry for Foreign Affairs]. 1802–2002. T. 3. Ed. by I.S. Ivanov et al. Moscow: OLMA-Press. P. 340–353. (In Russian)

Trofimenko G.A. 1976. Skvoz' prizmu «balansa sil» (kritika sovetologicheskikh kontseptsii sovetско-amerikanskikh otnoshenii) (Through the “Balance of Power” Lens (Criticising the Sovietology's Concepts about the Soviet-American Relations)]. *Problemy istorii mezhdunarodnykh otnoshenii i ideologicheskaiia bor'ba* [Problems of international relations' history and ideological struggle]. Ed. by A.O. Chubar'ian. Moscow: Nauka. P. 35–74. (In Russian)

Vatlin A.Iu., Lannik L.V. 2023. Vvedenie [Introduction]. *Berlinskaia missiia polpreda Ioffe 1918 g. Dokumenty* [Berlin Mission of Plenipotentiary Ioffe in 1918. Documents]. Ed. by A.Iu. Vatlin, L.V. Lannik and T. Penter. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia. P. 3–95. (In Russian)

Zhigalov B.S. 2014. I.M. Maisky i problema germanskikh reparatsii (1943–1945 gg.) [I.M. Maisky and the Problem of German Reparations (1943–1945)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. History*. 1(27). P. 56–63. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Агансон О.И. и др. 2020. *Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру*. 2020. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. Москва: МГУ. 885 с.

Агеев А.И. и др. 2014. *Великая Отечественная война 1941–1945 годов*. 2014. Т. 8. Ред. комиссия: В.Г. Титов и др. Москва: Кучково поле. 864 с.

Аничкина В.С. и др. 1979. *Современные внешнеполитические концепции США*. Москва: Наука. 381 с.

Арзаканян М.Ц. 2010. СССР и грядущая победа союзников в войне: взгляд из Великобритании. *Вестник МГИМО-Университета*. 5(14). С. 45–47. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-5-14-45-47

Афиани В.Ю. 2016. Проблемы репараций на Ялтинской конференции. По документам личного фонда И.М. Майского в архиве РАН. *Вестник архивиста*. 1(133). С. 111–121.

Баландина О.А., Давыдов А.Ю. 2020. *Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны*. Санкт-Петербург: Евразия. 320 с.

Барышников В.Н., Пленков О.Ю. 2015. Дипломат Б.Е. Штейн и советско-финляндские отношения середины 1930-х гг. *Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени*. Вып. 15. Санкт-Петербург: СПбГУ. С. 79–103.

Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. 2023. Введение. *Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы*. Под ред. А.Ю. Ватлина, Л.В. Ланника, Т. Пентера. Москва: Политическая энциклопедия. С. 3–95.

Горозий В.С. 2018. Комиссия М.М. Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства: планы в отношении Западной Европы. *Клио*. 6(138). С. 123–128.

Жигалов Б.С. 2014. И.М. Майский и проблема германских репараций (1943–1945 гг.). *Вестник Томского государственного университета. История*. 1(27). С. 56–63.

Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. 2008. *Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы*. Москва: Индрик. 240 с.

Каганович Б.С. 2000. Е.В. Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (1943–1945 гг.). *Проблемы всемирной истории: сб. ст. в честь академика А.А. Фурсенко*. Отв. ред. Б.В. Ананьич. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. С. 351–360.

Каганович Б.С. 2014. *Евгений Викторович Тарле. Историк и время*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. 357 с.

Карлей М.Дж. 2019. *Тайная война: Запад против России, 1917–1930*. Москва: Историческая литература. 768 с.

Кокошин А.А. 1978. *О буржуазных прогнозах развития международных отношений*. Москва: Международные отношения. 230 с.

Кунина А.Е. 1988. *США: методологические проблемы историографии (практика исследований)*. Москва: Наука. 212 с.

Магадеев И.Э. 2020. «Уроки войны» и стратегическое планирование держав «большой тройки» (1945–1949). *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 12(3). С. 45–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-45-84

Магадеев И.Э. 2023. Практическая историография: Е.В. Тарле и дискуссии по «французскому вопросу» в НКВД СССР (1943–1944). *Новейшая история России*. 13(2). С. 363–375. DOI: 10.21638/spbu24.2023.207

Наринский М.М. 2010. Советское руководство и проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 гг. *65 лет Великой Победы*. Под ред. А.В. Торкунова, С.Е. Нарышкина. Т. 3. Москва: МГИМО-Университет. С. 52–61.

Петровский В.Ф. 1976. *Американская внешнеполитическая мысль*. Москва: Международные отношения. 333 с.

Печатнов В.О. 2006. *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки*. Москва: ТЕРРА-Книжный клуб. 752 с.

Печатнов В.О. 2009. Уроки Второй мировой войны в военно-политическом планировании США и СССР на послевоенный период. *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. №1. С. 116–133.

Печатнов В.О. 2010. Посол СССР в Великобритании И.М. Майский: По страницам его дневниковых записей. *Новая и новейшая история*. №3. С. 187–199.

Печатнов В.О. 2013. Сталинградская битва и проблема второго фронта. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(29). С. 86–94. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-2-29-86-94

Пихоя Р.Г. 2014. «Архивная революция»: двадцать лет спустя. Ч. 3. *Археографический ежегодник*. 2011 г. Отв. ред. С.О. Шмидт. Москва: Наука. С. 4–22.

Плешаков К. 1991. Наши национальные интересы в переходный период. *Международная жизнь*. №10. С. 15–25.

Пожарская С.П. 2004. И.М. Майский. *Портреты историков. Время и судьбы*. Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Т. 4. Москва: Наука. С. 282–302.

Поздеева Л.В. 2008. И.М. Майский и А. Иден. *Новая и новейшая история*. №1. С. 171–184.

Примаков Е.М. и др. 1983. *Восток: рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире*. Москва: Наука. 269 с.

Сальков А.П. 2009. СССР и Триестинский кризис (май – июнь 1945 г.). *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб.* Вып. 4. Адк. рэд. У. К. Коршук. Мінск: БГУ. С. 128–141.

Сергунин А.А. 1989. *США: президентский лоббизм и внешняя политика*. Москва: Знание. 63 с.

Сизоненко А.И. 1991. Полпред СССР Я.З. Суриц. *Новая и новейшая история*. №3. С. 100–117.

Синдеев А.А. 2020. Дипломатический фронт Великой Отечественной войны: контуры послевоенной Европы в 1944 г. *Современная Европа*. №3. С. 158–169. DOI: 10.15211/sovereignore32020158169

Соколов В.В. 2001. И.М. Майский между И.В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны. *Новая и новейшая история*. №6. С. 18–31.

Соколов В.В. 2002. М.М. Литвинов. *Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002*. Т. 3. Ред. коллегия: И.С. Иванов и др. Москва: ОЛМА-Пресс. С. 340–353.

Трофименко Г.А. 1976. Сквозь призму «баланса сил» (критика советологических концепций советско-американских отношений). *Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба*. Отв. ред. А.О. Чубарьян. Москва: Наука. С. 35–74.

Филитов А.М. 1995. В комиссиях Наркоминдела... *Вторая мировая война. Актуальные проблемы*. Отв. ред. О.А. Ржешевский. Москва: Наука. С. 54–71.

Филитов А.М. 2023. *Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990)*. Москва: Юрайт. 316 с.

Хахалкина Е.В., Жигалов Б.С. 2019. «Звездный час» посла И.М. Майского (июнь 1941 – июль 1943 гг.). *Вопросы истории*. №12. С. 27–43. DOI: 10.3116/VoprosyIstorii201912Statyi24

Хлебников П.П. 1984. *Необъявленные войны США*. Москва: Мысль. 271 с.

Холодковский К.Г. 1991. Между истиной и схемой. *Мировая экономика и международные отношения*. №7. С. 19–22.

Хромущин Г.Б. 1974. *Современный мир и идеологическая борьба*. Москва: Международные отношения. 197 с.

Яковлев А.Г. 1990. Внешняя политика КНР: проблемы исследования в свете нового мышления. *Проблемы Дальнего Востока*. №2. С. 99–107.

Яковлев Н.Н. и др. 1976. *США: политическая мысль и история*. Отв. ред. Н.Н. Яковлев. Москва: Наука, 617 с.